

КНИГА-ЗАГАДКА КНИГА-БЕСТСЕЛЛЕР

М. ДЖ. РОУЗ

МЕМОРИСТ

ЭКСМО
МОСКВА

2013

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
Р 79

M.J. Rose

THE MEMORIST

Copyright © 2008 by Melisse Shapiro.

All rights reserved including the right of reproduction in whole or in part in any form. This edition is published by arrangement with Harlequin Books S.A. All characters in this book are fictitious. Any resemblance to actual persons. Living or dead, is purely coincidental.

Оформление серии *С. Шикина*

Иллюстрация на переплете *А. Дубовика*

Роуз М. Дж.

Р 79 Меморист / М. Дж. Роуз ; [пер. с англ. С.М. Саксина]. — М. : Эксмо, 2013. — 432 с. — (Книга-загадка, книга-бестселлер).

ISBN 978-5-699-63683-9

С раннего детства Меер Логан преследовали странные воспоминания и образы, возникающие из ниоткуда. И тем не менее Меер чувствовала, что они — часть ее прошлого. А еще она слышала музыку, причудливую и тревожащую, но никак не могла запомнить ее... И вот теперь Меер получила известие от своего отца, историка и антиквара, о том, что в Вене найден ключ к местонахождению древнего артефакта — «флейты памяти». Говорят, если сыграть на ней определенную мелодию, в тебе оживут воспоминания обо всех твоих предыдущих жизнях. Желая раскрыть тайны своего подсознания, Меер приехала в Вену. Теперь осталось лишь отыскать эту флейту, некогда скрытую от людей великим Бетховеном, испугавшимся ее мистической силы. Но желание «вспомнить все» грозит девушке смертью. Потому что есть вещи, которые лучше не вспоминать...

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

ISBN 978-5-699-63683-9

© Саксин С., перевод на русский язык, 2009
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Память — это ключевое слово,
которое объединяет прошлое и настоящее,
прошлое и будущее.

Эли Визел

ГЛАВА 1

Человеческие души должны возвратиться в абсолют, из которого вышли. Они должны развить до совершенства все те способности, семена которых были в них заложены; а если им не удалось выполнить это условие в течение одной жизни, они должны начать другую... и так до тех пор, пока они не достигнут состояния, подобающего их воссоединению с Богом.

Книга Зогар

Вена, Австрия

Четверг, 24 апреля, 17.00

Под огромным куполом естественного происхождения, высеченным природой в толще известняка, Давид Ялом продвигался по самому краю подземного ущелья, даже не смотря в черную бездну. Ничто в его размеренной поступи не указывало на то, что он сознавал о той опасности, какую таил один неверный шаг, хотя когда всего несколько минут назад его проводник кинул в пропасть камень, они так и не услышали звук удара о дно. Наконец, после четырех часов карабкания по каменным стенам и блуждания по угрюмой паутине труб и каналов, переправы вброд через подземные ручьи, неподвижные заводы, утыканные сталагмитами, и кипящие озера Давид увидел то, ради чего пришел сюда. Впереди, вверху и справа, в точности все, как и описал Ганс Вассонг, была простая, но массивная арка, вырубленная в скале, и грубый крест, высеченный в камне.

— Значит, это место, о котором ты мне рассказывал, действительно существует.

Давид рассмеялся, но этот наполненный горечью звук, начисто лишенный веселья, наоборот, говорил о том, что в мире больше не осталось ничего веселого.

— Я же говорил, что мне можно верить. — Общаясь друг с другом, эти двое — израильский журналист и австрийский преступник — пользовались английским языком, на котором оба говорили с разными, но сильными акцентами. — Вся эта зона является частью одного большого телля¹, — продолжал Вассонг.

— Телля? — Давид не смог устоять перед неудержимым любопытством. Он находился здесь не как журналист, однако за долгие годы привычка копаться во всех аспектах любой истории стала его второй натурой.

— Телль, — объяснил Вассонг, обводя вокруг рукой, — это место, где со временем один слой накладывается на другой. Еврейское гетто поверх средневекового города, выросшего, в свою очередь, поверх древнеримского города. Для того чтобы составить план этого подземного мира сточных труб, подвалов и катакомб, необходимо снести все венские улицы.

Каменные стены впереди сияли в лучах света галогеновых фонарей, закрепленных на касках двух мужчин. Со всех остальных сторон подступали тени, переходящие в бесконечный мрак; каждый пройденный шаг бесследно исчезал позади. Последние несколько футов крутого гребня оказались особенно опасными, но, наконец, исследователи добрались до входа. Невысокий Вассонг свободно прошел под низко нависшей аркой, а Давиду пришлось пригнуться, чтобы проследовать за ним в подземное кладбище.

При звуках шагов здоровенная крыса, сверкнув красными глазами, выскочила из маленького черепа, судя по

¹ Телль — археологический памятник, холм из остатков древних построек. (Здесь и далее прим. пер.)

размерам, принадлежавшего ребенку, и метнулась в сторону, скрывшись среди груды выбеленных временем костей.

Услышав этот шум, Давид встрепенулся и выхватил пистолет.

Вассонг взял его за руку, опуская оружие.

— Не надо, это может вызвать обвал. Нас раздавит в лепешку, а я бы предпочел быть похороненным там, где меня смогут навещать мои родственники.

Повсюду вокруг в десятках ниш, вырубленных в стенах, лежали нетронутые человеческие скелеты. Оглядывая подземное кладбище, Давид изо всех сил старался не накладывать на эти останки лица своих родных, но тщетно. Уже несколько лет для него все мертвые превращались в его близких, ставших жертвами нескончаемых попыток врагов его родины стереть с лица земли целый народ. А те, кто был обязан защищать невинных, не справились со своей задачей.

— Только послушайте, какая здесь акустика, — сказал Вассонг, указывая на каменный свод, словно можно было увидеть просачивающуюся вниз музыку. — Просто поразительно, что музыка проникает так глубоко под землю, правда?

Тягучие ноты вспороли затхлый, сырой воздух, но Давид вместо звука настраиваемых скрипок услышал вой сирен, предупреждающих о воздушном налете, и лишь через какое-то мгновение его сознание определило, что на самом деле это только слуховой мираж. Давид готов был пойти на все, лишь бы унять эти воспоминания, постоянно накатывающие приливной волной; вот только если их не будет, что поможет ему продержаться столько времени, сколько понадобится для выполнения задуманного? Человеческая память является тайной. Почему он помнит одни моменты — больше того, они навязчиво его преследуют; однако другие — такие как, например, запах волос его жены, — от него ускользают, как отчаянно он ни пытается их оживить?

— Сейчас мы находимся прямо под самым большим концертным залом Вены, — объяснил Вассонг, снимая очки и вытирая их шейным платком.

Давид упомянул про этот характерный жест в самой первой статье, посвященной Гансу. Надев очки, Вассонг указал на северную стену, покрытую сетью трещин.

— Это место примыкает к древнему колодцу, ведущему к подвалам здания. Музыка распространяется через решетки, когда-то являвшиеся частью старой отопительной системы.

— И ты уверен, что эта область не нанесена на планы города?

Виолончели, рожки, флейты и гобои состязались между собой, но никак не могли сойтись на гармонии. Доминировал то один инструмент, то другой, то третий, но все вместе они образовывали диссонирующую какофонию, точно так же, как и сознание Давида выбрасывало отчетливые разрозненные воспоминания, подобные моментальным фотографиям. Лицо его жены Лислы — жуткая, неузнаваемая кровавая маска. И оно же, за несколько лет до этого, смеющееся над анекдотом, рассказанным Давидом, когда они вместе нежились на пляже. Его сын Исаак, в пять лет, требующий уложить вместе с ним в кровать новенький велосипед, подаренный на день рождения. Затем грубый обрубок на том месте, где была левая нога Исаака. И так далее, и так далее. Давид вел счет каждому воспоминанию, словно это что-то доказывало. Но что? То, что когда-то он был психически нормальным человеком и жизнь его имела смысл? Или то, что у него были веские и осязаемые причины выполнить то, что он замыслил?

Ганс Вассонг продолжал объяснения:

— Начиная со Средних веков эти пещеры использовались для захоронений. Так продолжалось до тех пор, пока они не стали таким рассадником всевозможной заразы, что в начале XVIII века император Иосиф Второй вынуж-

ден был их закрыть. А кому придет в голову составлять план гробниц?

— А вот этот предмет совсем не похож на артефакт XVIII века. — Давид указал на смятый алюминиевый котелок, выкрашенный защитной краской, который валялся в углу небольшого грота. Еще только начиная работать в журналистике, он выяснил, что предметы говорят правду, даже когда люди лгут.

— Во время Второй мировой войны правительство открыло несколько секций, для того чтобы использовать их в качестве бомбоубежищ. Но когда бомбы попали в здания наверху, некоторые пещеры обвалились. Сотни людей оказались раздавлены и погребены заживо, и наш подземный город был снова оставлен, поскольку его сочли источником опасности. Вот только кое для кого из нас здесь, внизу, безопаснее, чем там, наверху, не так ли?

Давид пропустил мимо ушей заговорщические нотки в голосе Вассонга.

— Но ведь *есть* те, кому известно про это место?

— Такие люди были, да, но, судя по знакам, сюда уже несколько десятилетий никто не спускался. В этом ты можешь положиться на меня, Давид. И еще ты можешь со мной расплатиться. Кажется, таков был наш уговор. Я доставляю тебя на место, ты выкладываешь денежки.

Десять лет назад, готовя материал про подпольный рынок оружия в Восточной Европе, Давид познакомился с Гансом Вассонгом, который к тому времени уже не один десяток лет числился в списках Интерпола по подозрению в похищении людей, убийстве и контрабанде оружием и взрывчаткой. С течением времени журналист завоевал полное доверие преступника, и тот поставлял ему информацию самого разного характера. Но теперь их роли поменялись; сейчас Давид не собирал материал для статьи, он собирался сам стать главным действующим лицом, и уже Вассонг был тем, кто мог его разоблачить.

Расстегнув «молнию» темно-зеленого рюкзака, Давид достал пухлый конверт и протянул его Вассонгу. Тот его открыл, пересчитал пачку банкнот по двести евро, затем, не говоря ни слова, убрал конверт во внутренний карман куртки и похлопал по нему.

— А теперь скажи, когда у тебя все будет готово?

— К понедельнику или вторнику.

— И тогда ты спустишься сюда? — Вопрос Вассонга прозвучал скорее как призыв.

— Что ты слышал? Появились какие-то новые слухи?

— Косвенные. Ахмеда Абдула видели в Сербии.

До Сербии отсюда было чуть больше пятисот километров. От Вены до нее на две тысячи километров ближе, чем до Палестины. Речь идет о случайности? Давид освещал работу конференций Международного агентства по системам безопасности начиная с 1995 года, и террористам не составило бы труда убедиться в том, что в этом году он снова пишет о МАСБ, и выследить его до Вены.

— Ты знаешь, что по-прежнему значишься в списках террористов, да? — спросил Вассонг, видя, что Давид не собирается отвечать.

— Разумеется. — Тон, которым Давид подтвердил, что за ним охотятся, не отличался от того, как если бы он согласился с тем, что его профессия — журналист.

Оркестр закончил настраиваться и заиграл бурное и героическое начало Пятой симфонии Бетховена.

— Судьба стучится в дверь, — пробормотал Вассонг.

— Что?

— Как-то раз Бетховен указал своему секретарю на начало первой части этой симфонии и сказал: «Вот так судьба стучится в дверь».

— Ганс, ты не перестаешь меня удивлять. Торговец оружием, топограф, спелеолог — и вот теперь выясняется, что ты еще и исследователь творчества Бетховена?

— Трудно жить в Вене и не пропитаться познаниями в области музыки.

На несколько минут холодные камни превратились в стулья, обитые красным плюшем, стены покрылись золоченым орнаментом, а склеп стал концертным залом: двое мужчин слушали музыку, полностью погружившись в божественные звуки. Жена Давида особенно любила Пятую симфонию Бетховена, и он, закрыв глаза, позволил себе предаться воспоминаниям.

— Что с тобой? — встревожился Вассонг.

Музыка выросла до крещендо, просачиваясь в недра земли, проникая в самые сокровенные уголки души Давида, и тот не услышал вопрос своего спутника. «По крайней мере, — думал он, — когда на следующей неделе они покинут этот мир, произойдет это на крыльях музыки, принадлежащей ангелам».

— Как глубоко под землей мы находимся? — наконец спросил Давид, возвращаясь к действительности.

— Метров двенадцать-четырнадцать, — сказал Вассонг. — Слишком глубоко, чтобы нас мог обнаружить зондирующий радар. Самое подходящее место для того, чтобы заложить взрывчатку. Прямо здесь, тут, где мы сейчас стоим. После взрыва не останется ничего — ни здания, ни слушателей. Согласись, место выбрано идеально, не правда ли?

ГЛАВА 2

Нью-Йорк

Четверг, 24 апреля, 11.00

Меер Логан сбежала по ступеням Американского музея естественной истории, расположенного на Сентрал Парк-Уэст, ища глазами такси, еще до того как добралась до тротуара. Не увидев ни одной желтой машины, она решила, что быстрее будет пройти шесть кварталов до фонда «Феникс» пешком. Напрасно она согласилась

уйти с работы в середине дня, но Малахай Самюэльс относился к тем людям, отказать которым очень трудно. Шаман, врач-психотерапевт и исповедник одновременно, даже когда он не мог найти ответы, он всегда был рядом, чтобы помочь Меер пережить темные ночи и одинокие дни, прогнать ее страхи, развеять печаль.

По телефону Малахай заверил Меер, что встреча займет не больше часа, и на самом деле только этим временем она и могла пожертвовать. Сегодняшняя акция по сбору средств имела слишком большое значение для проекта «Купола памяти»: место для проведения постоянных исследований и выставочное пространство, посвященное изучению проблем памяти. У Меер как заместителя куратора было очень много работы, и она с трудом смогла выкроить даже один час.

Через восемь минут Логан уже слушала тиканье бронзовых с позолотой часов XIX века на мраморной каминной полке; казалось, они постепенно замедляли свой ход до черепашьего, словно готовясь остановиться и затем двинуться в обратную сторону. Это невозможно; вот только Меер знала, что в кабинете Малахая Самюэльса время не всегда движется в том же направлении, что и во всем остальном мире.

— Это тебе, — сказал специалист по перевоплощениям, положив на стол выдавший виды конверт, мятый и весь покрытый почтовыми штемпелями.

Меер тотчас же узнала почерк своего отца.

— Значит, сейчас вы разыгрываете роль посланника? Мой отец объяснил, почему передает это послание для меня через вас?

— Для того чтобы рядом с тобой кто-то был, когда ты вскрыешь конверт.

— Как будто я ребенок, — обреченно усмехнулась Логан.

— Сколько бы тебе ни было лет, он всегда останется твоим отцом.

Поставленный британский акцент Малахая превратил эту фразу в окончательный приговор. И внешне он соответствовал своему голосу: утонченный, костюм наглажен, ногти ухожены. Сто лет назад Самюэльс запросто сошел бы за аристократа.

— Вы знаете, что внутри?

— Твой отец меня в это не посвятил.

Взяв конверт, Меер разорвала его и достала содержимое.

Развернув лист плотной пожелтевшей бумаги, она увидела рисунок, выполненный маленькой девочкой желтым, оранжевым, красным и коричневым карандашами. Линиям не удавалось оставаться прямыми, они не встречались в углах, но не вызывало сомнений, что на рисунке изображен ящик. И не просто ящик, а прозрачная шкатулка с сокровищами, мысли о которой неотступно преследовали девочку в детстве. Когда родители спрашивали, почему та снова и снова рисует эту шкатулку, она ничего не могла им ответить. Когда же они захотели узнать, где она ее видела, девочка смогла лишь ответить, что видела шкатулку «раньше».

Тогда родители спросили, что еще она помнит из этого «раньше», и она им рассказала. Это было похоже на очень плохой сон, вот только являлся он ей, только когда она бодрствовала, и все время оставался одним и тем же. В нем она видела себя в лесу, в грозу, а за ней гнался какой-то мужчина, пытавшийся отнять у нее вот эту самую шкатулку. И все это происходило на фоне какой-то таинственной музыки, как это бывает в кино. Иногда, возвращаясь в «сейчас», как она это называла, девочка плакала.

Разноцветные линии на листе, присланном ее отцом, были лишь детскими каракулями, однако они изображали то, что она так отчетливо видела в своей памяти: темное